

Тайна гения

Человек не отсюда

Вест. Москва - 1999 - 23 авг. - с. 6.

Про книгу Иннокентия Михайловича Смоктуновского «Быть!» — о жизни, о людях и, следовательно, о себе

Эдуард ГРАФОВ

Даже имя у него среди людей редкостное — Иннокентий. Какой-то он был нездешний, словно «человек не отсюда». Прошел всю войну, день за днем, и ни одного ранения. Удивительная жена, воистину именно ему ниспосланная Господом, с библейским именем Суламифь. И какой-то другой, неизвестный нам дар в предназначении Артиста... Все странно и прекрасно.

Трагедии у людей судьба обычно припасает поближе к своему завершению. Его сознательная жизнь началась сразу со Вселенской скорби — нашему Орфею, когда он спустился в ад войны, было 18 лет... Через полвека на сцене МХАТа Смоктуновскому вручили солдатскую медаль «За отвагу». Отчего-то с наградами ему жизнь не торопилась. Ну да ладно.

Я не углядел в книге, почему и как юноша-фронтовик решил стать актером. Видимо, волей неизбежного предназначения.

Вход в Искусство сложился тоже несколько трагично, но, скорее, все-таки комично. Ну до чего же Смоктуновского туда, в Искусство, не хотели пускать. Театральные режиссеры сочувственно советовали заняться чем-нибудь другим. Корифей кино и вовсе засмеялся: «Ваше лицо разве можно снимать?». Коллеги-актеры раздраженно переглядывались — ну чего этому чудлику делать на сцене?

И пошли легенды о странном парне, который среди жаркого лета бродит по Москве в единственном своем костюме — лыжном, спит на вокзалах и суется во все театры. Я это воспринял тогда как забавную актерскую байку — уж очень цветисто! Но сейчас из книги Иннокентия Михайловича узнал, что неправдоподобная «байка» была очень даже доподлинна.

А вот Товстоногов без труда разглядел Смоктуновского. И велел найти актера, чьи глаза запомнил в каком-то несущественном фильме. Глаза запомнил, а фамилию не запомнил. Неизвестного актера нашли по картотеке «Мосфильма» и привезли в Ленинград. И Смоктуновский исполнил в театре Товстоногова сразу роль князя Мышкина. Это было что-то доселе невиданное, неслыханное. Театральный мир был потрясен!

Иннокентий Михайлович считал роль князя Мышкина лучшей и главной своей работой. Более того, он твердо знал, что и Гамлет, и Деточкин, и царь Федор произошли у него из Льва Николаевича Мышкина. Они приняли от него самое существенное в человеке — доброту.

Великим можно стать, гением — рождаются. О чем сразу засвидетельствовала уже самая первая работа в БДТ. Не могу удержаться, чтобы не привести и еще одну подобную примечательность. Самую свою знаменитую фразу «Этого не может быть потому, что не может быть никогда» Чехов написал уже в первой (!) своей публикации. Сразу ведь «проговорился» Антон Павлович, бесконечно обожаемый Иннокентием Михайловичем.

Не приходится сомневаться в том, что Смоктуновский был умен. Но этого бы не хватило, скажем, на Гамлета. Смоктуновский был мудр, поразительной глубины человек. Легенда о том, что «Кеша играл роль с листа», — пустое. То ли поспешное восхищение, то ли налаженная зависть.

Уж и не знаю, ради предложенных пушкинских ролей или по просьбе души Смоктуновский с головой ушел в Пушкина. Я вам изложу сюжет, который вроде бы не имеет прямого отношения к нашему повествованию. Но узнал я об этом именно из книги Смоктуновского.

Цензура уперлась на последней фразе в «Борисе Годунове». А была она, оказывается, вот какой: «Да здравствует царь Дмитрий Иванович!». Пушкина в ту пору в Петербурге не было. И Василий Андреевич Жуковский, дабы ублажить цензуру, заменил эту фразу на другую: «Народ безмолвствует». И цензура успокоилась — ну вот и хорошо. Вот так, оказывается, возникла одна из самых много-

значительных фраз в русской литературе.

Сам я этого факта в книгах пока не обнаружил, но интересно невероятно. Дотошный был исследователь Иннокентий Михайлович. А уж его исследования личности и творчества Федора Михайловича Достоевского требовали отдельной книги. Как жаль, что Иннокентий Михайлович ее не написал.

Игра актера Смоктуновского всегда была тайной тайности: кто его знает, как он «это делает»? Но одна его «тайна» была на виду у всех. Он писал: «Высказывая такую «крамолу», я подвергаю себя риску стать объектом нападок, фраз, реплик, стригущих глаз...». А знаете, какую он высказал «крамолу»? А вот какую: «На сцене надо жить!». Представляете, каково-то было «новаторам» вытерпеть такую «старомодность»?

Все-таки «новатором» быть легче, чем Смоктуновским. Главное, чтобы — не каждому дано понять. Повиснуть, например, вниз головой и произнести монолог. Чем не новация? Или в пьесе классика офицеры вдруг принимают писать в писсуары. Тоже «не каждому понятно». А вот попросите этого писающего на сцене актера сказать за Гамлета: «А на мне играть нельзя!». Сказать так, чтобы я, обыкновенный тогда парнишка, заплакал. Что, клянусь, было! Иннокентий Михайлович плакал вместе с нами. И как раз очень хотел, чтобы «каждому было понятно».

При этом он был и Великий Лицедей! И это лыко тоже в строку. Помню, пришел я на съемки «Високосного года», был такой ранний, существенный для Смоктуновского фильм. И вот идет драматичнейший монолог. «Стоп! Снято!». Реплика режиссера стала Смоктуновского в какой-то трагической позе. И вдруг он, как бы не выходя из роли, посмотрел на меня и... подмигнул. О, что со мной было, его преданным поклонником! Какой цинизм! — возмущенно подумал я и в гневе покинул территорию «Мосфильма».

А возмущаться-то было не с чего. Мастер в совершенстве владел «актерской техникой», умением распределять силы, беречь себя. Это непременно входит в высокое мастерство. Иннокентий Михайлович любил говаривать: «Роль слезу любит!». Так ведь и слезу надо поберечь, а то наплачешься.

Вообще-то Иннокентий Михайлович был какой-то «неуловимый», он умел «скрываться в себя», в неприметность. Встретив на улице, вы вполне могли его не узнать. Во всяком случае со мною именно такое и приключилось. Мы шли по улице Горького с моим приятелем, невероятно популярным тогда актером. Он обнимается со встречным знакомым. Поболтали. Смуцающийся, приятный человек. Разошлись. «Кто это?» — спросил я. Женя посмотрел на меня, как на ненормального: «Это же Кеша!». Знаменитый Урбанский сказал это с придыханием, с восхищением... Я не узнал являвшегося мне со всех экранов человека.

Так, может, и в этой книге Смоктуновский «скрылся в себя»? Да нет, написано просто, спокойно. Не то чтобы душа нараспашку, но если что-то сказал, значит, полагал нужным сказать. Эта книга преисполнена Откровения. И как хорошо, что Иннокентий Михайлович с приподнявшейся на полвека медалью «За отвагу» остался верным тому обыкновенно отважному, обыкновенно чистому Кеше, восемнадцати годов от роду солдату.

Даже близкие люди говорят: «Все-таки он был какой-то непонятный!». Возможно, дело в том, что у Иннокентия Михайловича были сугубо свои отношения с судьбой, с истиной.

Вот не угодно ли? Козинцев предложил ему роль Гамлета, Бондарчук одновременно — Андрея Болконского. И знаете, что потом сказал Иннокентий Михайлович? «Если бы Бондарчук предложил роль Пьера Безухова, я бы отказался от Гамлета». А как же с ответом на вопрос всех времен — «Быть или не быть?».

Так он ведь ответил: книгу свою назвал — «Быть!». С чем для нас и остался.

33